

W. Wildgen. The evolution of human language: Scenarios, principles, and cultural dynamics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2004. xii + 227 pp. + index.

Книга В. Вильдгена ставит своей целью анализ происхождения и последующей эволюции языка в широком философско-семиотическом контексте. Поскольку язык является одной из форм знакового поведения, познать его можно, по мнению автора, лишь в сопоставлении с другими формами знакового поведения – искусством, наукой, изготовлением орудий и т.д. Автор стремится исследовать «все поле языковых и символических способностей и их (причинные) связи с физической эволюцией человека, с экологическими изменениями и эволюцией человеческих сообществ» (с. 2), вскрыть механизмы формирования знакового поведения и проследить роль творчества в этом процессе, а также найти в ныне существующих языках следы наиболее ранних этапов языковой эволюции.

Уже в первой главе («Introduction») автор очерчивает временные рамки происхождения языка: самое начало этого процесса относится ко времени расхождения линий человека и шимпанзе (7 млн. лет назад); появление языка, обладающего специфически человеческими чертами, датируется временем существования *Homo erectus* (2 млн. лет назад), и, наконец, полное развитие языковой способности связывается с временем существования «митохондриальной Евы» (400–200 тыс. лет назад), когда формируется вид *Homo sapiens*.

Во второй главе («Basic scenarios and forces in the evolution of human language») рассматриваются четыре основных сценария возникновения человеческого языка. Первый из них предполагает, что определенные свойства, изначально предназначенные для чего-то другого, впоследствии оказались полезны для языка. В качестве таких свойств В. Вильдген рассматривает когнитивные и психические (расширение памяти, способность к подражанию, способность к планированию последовательности действий), моторные (контроль за движениями рук и органов артикуляции), сенсорные (новое устройство внутреннего уха), анатомические (понижение гортани, увеличение размеров коры больших полушарий головного мозга). Это, конечно же, далеко не полный перечень предпосылок, необходимых для появления языка (не названа, например, способность к тонкому контролю дыхания), но он дает возможность автору сформулировать вывод – вполне справедливый, – что одних предпосылок такого рода для объяснения глоттогенеза недостаточно.

Второй сценарий – сценарий «бутылочного горлышка»: небольшая группа, оказавшись отрезанной от основной популяции, попадает в такие экологические условия, которые способствуют закреплению определенных черт с одновременной утратой того разнообразия вариантов, которое было присуще исходной попу-

в целом; исходная же популяция при этом вымирает.

Согласно третьему сценарию, основной движущей силой происхождения языка был половой отбор – преимущество получали особи, обладающие большими когнитивными возможностями, выразить которые можно, по мнению автора, только при помощи развитого языка.

Четвертый сценарий отводит языку роль универсального символического посредника.

Рассмотрение этих сценариев приводит автора к следующим предварительным выводам: ни один из сценариев сам по себе не может объяснить происхождения языка. Необходимо соединить разные сценарии, а кроме того, рассмотреть язык в комплексе с другими компонентами культуры – технологией, искусством, ритуалом, религией и т.д.

В третьей главе («Expression and appeal in animal and human communication with special consideration of laughter») автор упоминает некоторые аспекты коммуникации животных (не всегда, увы, ссылаясь на необходимые работы) и делает вывод, что хомскианские идеи о врожденной Универсальной Грамматике крайне антиинтуитивны в биологическом контексте. Говоря о комическом, автор отмечает, что это понятие наполнялось разным содержанием в разных странах, в разные эпохи и т.д., и ограничивает себя рассмотрением семиотического статуса комического. Главное в комическом то, что оно вызывает смех. Далее В. Вильдген рассматривает классические теории комического от Аристотеля до Канта и Новалиса и приходит к выводу о дочеловеческих основах смеха.

Главной функцией языка автор считает сообщение правдивой информации о ментальном состоянии с тем, чтобы сородичи знали о знаниях особи, ее представлениях о мире, желаниях и т.п.

В четвертой главе («The evolution of cognitive control in tool-making and tool-use and the emergence of a theory of mind») В. Вильдген рассматривает происхождение языка в контексте производства орудий. Сами по себе орудия не имеют коммуникативной функции, но они говорят о социальном развитии, кроме того, изготовление орудий «на будущее» – свидетельство долговременного планирования, своего рода синтаксис материальных действий. Автор усматривает общность когнитивных принципов каузации, лежащих в основе как орудийного поведения, так и языка.

Важное значение для развития языка имеет «теория ума» (иначе «теория сознания», англ. *theory of mind*, – знание о знаниях другой особи); без нее не может развиваться язык как сред-

ство влияния на умы окружающих. Становление «теории ума» автор рассматривает, проецируя на эволюцию гоминид стадии развития детского сознания, выделяемые Ж. Пиаже (прежде всего, стадию анимизма).

Пятая глава («The evolution of pre-historic art and the transition to writing systems») посвящена такой форме знакового поведения, как искусство. Зачатки искусства обнаруживаются в слоях более чем двухсоттысячелетней древности (см., например [Шер, Вишняцкий, Бледнова 2004: 66–68]), но В. Вильдген ограничивается рассмотрением ориньякского и более позднего искусства: один из главных факторов возникновения искусства (и языка), по его мнению, – это взаимодействие и взаимообогащение целой сети локальных культур, сложившейся в Европе около 40 тыс. лет назад.

Схематизацию пещерных росписей автор сравнивает с грамматикализацией. Совмещение на одном рисунке (пещера Фон-де-Гом) реалистического изображения бизона и некоторой схематической фигуры приводит автора к мысли, что язык мог эволюционировать от однословных высказываний к двусловным, где одно из слов было более референциальным, а другое – более грамматическим.

В этой главе предлагается несколько возможных семиотических интерпретаций пещеры, высказываются гипотезы о причинах возникновения и угасания пещерной живописи. Довольно подробно прослеживается развитие письма – от ранних иероглифических систем до алфавитов.

Автор отмечает, что желание рисовать на скалах (и других подобных поверхностях, вплоть до заборов и вагонных окон) сохраняется у человека и поныне, и это дает ключ к универсальной семиотической способности человека.

Продолжается тема творчества и в шестой главе («Symbolic creativity in language, art, and science and the cultural dynamics of symbolic forms»). Автор обращается к живописи Леонардо да Винчи и Вильяма Тёрнера, скульптуре Генри Мура. Великий художник-новатор задает новый канон не только для искусства, но и для повседневной жизни, и язык, по мнению автора, был изобретен тем, кто первым сказал предложение. Подчеркивается важность того, чтобы достижения гения были приняты обществом, а это, по мнению В. Вильдгена, возможно только при наличии языка.

Примером креативности в языке служат для автора лексические инновации, поскольку другие инновации не дают возможности проследить роль индивида. В качестве прототипа лексической инновации В. Вильдген, носитель немецкого языка, рассматривает композиты –

в них могут быть «свернуты» достаточно длинные пропозиции. Пример креативности в науке – переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической.

Автор рассматривает развитие языка как увеличение словаря от 3–4 сигналов до 50 (на этом этапе появляется композиционность основ) и последующий переход от пятидесяти выкриков к пяти тысячам лексем (что дает возможность составлять большое число предложений).

В седьмой главе («Fossils» of evolution in the lexicon of HAND and EYE (mainly in German, English and French)) автор пытается обнаружить «ископаемые» свидетельства эволюции языка в современном словаре: здесь основой для рассуждений о глоттогенезе служит лексика (и базовый синтаксис) живых языков (практически исключительно английского, немецкого и французского), более конкретно – фразеологизмы с использованием названий «руки» и «глаза». Концепты «рука» и «глаз» являются, по мнению автора, источником глубинно-синтаксических структур: в частности, когда рука осмысливается как посредник между человеком (агентом) и объектом внешнего мира (пациентом), – то, чем можно касаться, хватать, бросать и т.п., – а затем в этой же функции начинают выступать орудия, возникает синтаксическая роль инструмента.

Кульминацией книги является восьмая глава («The form of a "protolanguage" and the contours of a theory of language evolution»), суммирующая взгляды автора на происхождение и дальнейшую эволюцию языка. В центре внимания здесь оказывается схема хватания (описываемая с позиций семантической «теории катастроф» Р. Тома), которая представляет собой двухвалентное действие и тем самым является когнитивной преадаптацией к появлению валентностей.

Грамматика протоязыка базировалась, по мнению В. Вильдгена, на следующих трех иерархически организованных уровнях классификации: стабильные сущности (протосуществительные и протоприлагательные), изменения (протоглаголы) и двухвалентная схема хватания. Важная роль в организации грамматики принадлежала семантике, поскольку одни сочетания слов семантически возможны, а другие – нет.

Построение теории происхождения языка автор находит невозможным без подробной информации о биологической эволюции (в особенности мозга, уха и органов артикуляции, причем на всех стадиях гоминизации), генетической информации, релевантной для языковой способности, знания эволюционных преимуществ языка. Доязыковую коммуникацию

он предполагает восстанавливать на основе анализа орудий и искусства; история письма может быть использована как ключ к пониманию культурной динамики символических систем. Успехи языковой типологии и теории языковых изменений должны помочь реконструировать язык, относящийся к периоду 10–12 тыс. лет назад. Но пока, констатирует автор, всеми этими знаниями наука не обладает, и поэтому теории глоттогенеза нет.

Девятая глава («Symbolic forms, generalized media, and their evolution») основывается на касиреровской «Философии символических форм» (обнаруживающихся в звучащей речи, мифе, искусстве, технологии и чистом знании), которые служат посредниками между человеком и внешним миром. В этой же главе рассматриваются социологические модели семиотических жанров, автор выделяет (вслед за Н. Луманном) такие четыре универсальных посредника между Эго и Другим, как истина / язык, любовь, обладание / искусство и власть / закон. Любое социальное взаимодействие имеет, по мнению автора, семиотическую природу.

На с. 196 приводится последовательность появления форм знакового поведения – от коммуникативных систем, имеющих у приматов и предположительно имевшихся у их общего с людьми предка, – через накопление звуковых сигналов (до 2 млн. лет назад – стадия пре-протоязыка), стабилизацию и усложнение протоязыков (2–1 млн. лет назад), дифференциацию и соперничество между первобытными культурами (700–200 тыс. лет назад), развитие полного репертуара символических форм, базирующихся на полной языковой способности (после 200 тыс. лет назад), сеть взаимодействующих локальных культур (после 40 тыс. лет назад) – вплоть до нынешней глобализации.

Развитие высказанных в этой главе идей должно, по мнению автора, лечь в основу новой книги – о будущем человеческой коммуникации.

В десятой главе («Consciousness, linguistic universals, and the methodology of linguistics») происхождение языка описывается в виде следующих стадий:

1. Базовый уровень – способность к движению и целенаправленному воздействию на окружающий мир (уже 2 млн. лет назад).
2. Формирование системы артикуляции, базовых принципов фонологии – возможность этого обуславливается «зеркальными нейронами», развитие (в соответствии с теорией Р. Данбара) связывается с такой функцией языка, как обеспечение социального комфорта (этой стадии достиг *Homo erectus* 1,6–1 млн. лет назад).

3. Распирание словарного запаса (во время миграции *Homo erectus*).

4. Появление синтаксически и текстуально сложных языков (у архаичных *Homo sapiens*).

Завершается книга формулировкой некоторых выводов, касающихся лингвистической методологии. Во-первых, В. Вильдген говорит о необходимости интегрирования эволюционной составляющей в общую лингвистическую теорию. Во-вторых, особое место в лингвистической теории должна занять «тополого-динамическая семантика», предложенная Рене Томом, – с ее помощью можно объяснить многие аспекты эволюции языка. Далее, необходимо изучать и описывать язык не только в его полном виде, поскольку такие явления, как нарушение языковой способности при афазии, креолизация пиджинов и т.п., проливают свет на процесс создания языка. При рассуждении о ранних этапах эволюции языка необходимо учитывать биологические и экологические изменения, накладывавшие ограничения на использование звукового языка. Заключительный вывод автора состоит в том, что «если объяснительная сила лингвистических теорий и моделей не может быть существенно увеличена, придется оставить лингвистику как научное предприятие» (с. 208).

Цели и задачи, которые ставит перед собой автор, весьма масштабны, объем же книги сравнительно скромный. Вследствие этого многие мысли, высказываемые В. Вильдгеном, остаются нераскрытыми. Например, вполне справедливая идея о том, что производство орудий (в особенности, добавим, орудий для производства орудий) свидетельствует о развитой социальности, на наш взгляд, заслуживает в контексте происхождения языка большего, нежели быть просто высказанной. Действительно, для того, чтобы делать орудия, необходимо, во-первых, время, которое вместо этого могло бы быть потрачено на поиски пищи, выяснение иерархических отношений и т.д., во-вторых, сосредоточенность на этом процессе. Таким образом, делать орудия может только тот, кто уверен, что с ним, в случае надобности, поделятся пищей, его предупредят об опасности, сородичи не станут за его спиной претендовать на его самку или его место в иерархии и т.д. Столь доверительные отношения могут существовать лишь при наличии развитой коммуникативной системы. С эволюцией гоминид их орудия совершенствуются: если олдувайское рубило можно сделать всего за 3–10 ударов, то для ашельского требуется уже более 60 и, наконец, для орудий, изготавливаемых кроманьонцами, – более двух сотен ударов

[Дерягина 2003: 159–161]. Кроме того, традиция изготовления орудий «на будущее» едва ли может возникнуть в сообществе с жесткой иерархией (наподобие сообщества шимпанзе): особи-доминанты склонны присваивать себе плоды трудов подчиненных особей. Все это говорит о том, что для ранних гоминид более вероятно сообщество с развитыми дружескими связями, подобное сообществу бонобо. В таком сообществе требования к коммуникативной системе повышаются, поскольку для дружбы необходима более тонкая нюансировка отношений, чем для простого доминирования (возможно, с этим связаны большие, нежели у шимпанзе, успехи бонобо в так называемых «языковых проектах» – опытах по обучению обезьян человеческому языку). Таким образом, прогресс в развитии орудий свидетельствует о развитии не только социальности, но и коммуникативной системы (заметим, впрочем, что отсутствие прогресса не свидетельствует об обратном: весьма примитивные орудия изготавливались кое-где даже в XIX в. – людьми, говорившими на вполне обычном человеческом языке).

К идее о недостаточности перечисляемых автором предпосылок для возникновения языка можно добавить, что сам подход – сначала появление тех или иных черт и только потом их применение (например, для языка) – не вполне верен: во многих случаях имеет место коэволюция, основанная на положительной обратной связи (см., например [Deacon 1997]). В работе Т. Дикона (известной автору, но процитированной лишь однажды и по другому поводу) можно найти вполне убедительное обоснование того, что врожденной Универсальной Грамматики, как и отдельного «языкового органа», не может быть по чисто техническим причинам (см. по этому поводу также [Пинкер 2004]).

Вообще, приходится констатировать, что, хотя идей в книге В. Вильдгена высказывается очень много (и поэтому любой пересказ неизбежно оказывается неполным), ссылок на работы, где эти идеи были впервые выдвинуты и обоснованы, довольно мало, – так что тем, кто хотел бы ознакомиться с темой более подробно, придется самостоятельно разыскивать нужную литературу (о происхождении языка см., в частности [Givón, Malle 2002; Christiansen, Kirby 2003; Tallerman 2005 с литературой]; о до-человеческих основах смеха см., например [Козинцев, Бутовская 1996] и т.д.). Автор оперирует теориями Аристотеля, Кассирера, Канта и др., но мало ссылается на современные работы. Так, размышляя над тем, был ли язык изначально жестовым или звуковым, В. Вильдген упоминает Кондильяка, но совершенно

игнорирует современные исследования, например, не упоминает М. Корбаллиса, посвятившего этому вопросу специальную работу [Corballis 2002].

Вследствие такого подхода в ряде случаев В. Вильдген, что называется, ломится в открытую дверь: так, говорить о необходимости создания (и об отсутствии в настоящее время) теории, объясняющей языковые изменения, по меньшей мере странно при наличии огромного количества работ, где такая задача не только ставится, но и во многом успешно решается (см., например [Joseph, Janda 2003 с литературой; Келлер 1997]).

Автор неоднократно говорит о своем стремлении построить синтетическую нео-дарвинистскую теорию, базирующуюся на эволюционной биологии и генетике (с. 3), о «в основном биологической ... перспективе» своей работы (с. 155), вообще, по его мнению, теория глоттогенеза «может сосредотачиваться преимущественно на биологических процессах, которые вызывают генетические, анатомические и (основные) поведенческие изменения» (с. 175). Тем не менее, его познания в биологии более чем фрагментарны. Так, говоря о «трех-четырех» вокалических сигналах человекообразных обезьян (англ. *apes*), автор явно имеет в виду верветок – англ. *monkeys* (у человекообразных обезьян сигналов больше, но такой четкой референциальной соотносительности, как у верветок, нет, см. [Фирсов, Плотников 1981], о сигналах верветок см. [Cheney, Seyfarth 1990]), называет неандертальца *Homo neanderthalensis* (с. 50), что соответствует представлению о том, что неандертальцы и кроманьонцы являются разными видами, а кроманьонца – *Homo sapiens sapiens* (с. 85), что уместно, лишь если считать кроманьонца и неандертальца подвидами одного вида. Важная для авторской концепции идея о том, что для передачи «достижений гения» непременно нужен язык, могла возникнуть исключительно благодаря незнанию с феноменом «культурных традиций», зафиксированных не только у шимпанзе (см. [Гудолл 1992]), но даже у низших приматов (описание ставшего хрестоматийным примера распространения привычки мыть клубни в колонии японских макаков см., например, в работе [Imanishi 1957]).

Биология для В. Вильдгена практически сводится к передаче генов, мутациям и давлению окружающей среды. Но для изучения происхождения языка гораздо более существенны достижения этологов – специалистов по коммуникативным системам животных, например, такой нечасто упоминаемый факт, что коммуникативная система есть не только и не столько средство, обеспечивающее взаимодей-

ствие животных в коммуницирующей в данный момент паре, сколько специализированный механизм управления в системе популяции в целом.

Не очень сильна и лингвистическая сторона рецензируемой книги. Помимо недооценки достижений теории грамматикализации, можно упомянуть такие курьезные ошибки, как попытки этимологического сближения (на с. 140) нем. *Hand* 'рука' и *Hund* 'собака', безоговорочное отнесение прилагательных к сущностям именной природы (с. 174), а также утверждение о том, что реконструкция языков десяти-тысячелетней древности – дело типологии (с. 184). Нет нужды говорить, что автор не приводит материала ни из одного языка, где прилагательное было бы не именем, а, скорее, глаголом, и не ссылается ни на одну компаративистическую работу, в которой предлагалась бы глубокая реконструкция (см., например [Иллич-Свитыч 1971–1984; Старостин 2004–2005]).

Таким образом, в целом рецензируемую работу можно охарактеризовать как довольно поверхностную.

В то же время нельзя не отметить и достоинств книги: она легко читается и имеет чрезвычайно подробную структуру – едва ли не каждые три-четыре страницы снабжены собственным заголовком. В ней множество иллюстраций – от репродукций картин Леонардо да Винчи до тополого-динамических схем хватания и изготовления орудий.

Книга может быть интересна тем, кто ценит полет философской мысли, а также полезна для тех, кто хотел бы без больших усилий овладеть данным материалом на уровне, достаточном для поддержания светской беседы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудолл 1992 – Дж. Гудолл. Шимпанзе в природе: Поведение. М., 1992.
Дерягина 2003 – М.А. Дерягина. Эволюционная антропология: Биологические и культурные аспекты. М., 2003.
Иллич-Свитыч 1971–1984 – В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь: В 3 т. М., 1971. Т. 1; М., 1976. Т. 2; М., 1984. Т. 3.
Келлер 1997 – Р. Келлер. Языковые изменения: О невидимой руке в языке. Самара, 1997.
Козинцев, Бутовская 1996 – А.Г. Козинцев, М.Л. Бутовская. О происхождении юмора // Этногр. обозрение. 1996. Вып. 1.
Пинкер 2004 – С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.

Старостин 2004–2005 – С.А. Старостин. <http://starling.rinet.ru/Texts/scc.pdf> (синокавказская фонология), <http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf> (синокавказский глоссарий) 2004–2005.

Фирсов, Плотников 1981 – Л.А. Фирсов, В.Ю. Плотников. Голосовое поведение антропоидов. М., 1981.

Шер, Вишняцкий, Бледнова 2004 – Я.А. Шер, Л.Б. Вишняцкий, Н.С. Бледнова. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

Cheney, Seyfarth 1990 – D. Cheney, J. Seyfarth. How monkeys see the world. Chicago, 1990.

Christiansen, Kirby 2003 – M.H. Christiansen, S. Kirby (eds.). Language evolution. Oxford, 2003.

Corballis 2002 – M.C. Corballis. From hand to mouth: The origins of language. Princeton (New Jersey), 2002.

Deacon 1997 – T. Deacon. The symbolic species: The co-evolution of language and the brain. New York; London, 1997.

Givón, Malle 2002 – T. Givón, B.F. Malle (eds.). The evolution of language out of pre-language. Amsterdam; Philadelphia, 2002.

Imanishi 1957 – K. Imanishi. Identification: A process of enculturation in the subhuman society of *Macaca fuscata* // Primates. V. 1. 1957.

Joseph, Janda 2003 – B.D. Joseph, R.D. Janda (eds.). The handbook of historical linguistics. Oxford, 2003.

Tallerman 2005 – M. Tallerman (ed.). Language origins: Perspectives on evolution. Oxford, 2005.

С.А. Бурлак